Танцовщик, которого мы потеряли

Александр Ветров в «Новой опере»

Новые Известия – 2002 – 4 июня – с.6

Светлана НАБОРЩИКОВА, для «Новых Известий»

И. ВЛАДИМИРОВ

В паре с Ольгой Павловой. «Кармен-сюита».

Бывший солист Большого театра в свое время имел обширный репертуар: выходил в ролях классических любовников – Альберта и Зигфрида, был признан лучшим после Мариса Лиепы Крассом, но подлинную славу обрел на финише карьеры в Большом. Впечатление от его Петруччио из «Укрощения строптивой» Джона Крэнко, уникального фейерверка остроумия и обаятельного нахальства, не изгладилось и по сей день. В эпоху правления Владимира Васильева из разногласий с художественным руководителем балета Вячеславом Гордеевым покинул театр и отправился в США. Танцевал в различных труппах, пока не обосновался в Техасе. Сегодня Ветров премьер и артистический директор балета Арлингтона.

Возможно, мы так и не увидели бы американского изгнанника, если бы не кампания по сотворению звезды, развернутая продюсерами «Новой оперы». Выпускница Московской академии хореографии, золотой лауреат конкурса «Майя», Ольга Павлова в последнее время танцует едва ли не чаще признанных московских звезд. Только в истекшие две недели три балеринских выхода: Китри в театре Касаткиной и Василева, Одетта-Одиллия в постановке Русского Национального балетного театра Владимира Моисеева и, наконец, «Кармен-сюита» в паре с композицией Эди Тюссо «Бонжур, Брель». Хотя продюсеры «Новой оперы» не скупятся на приглашение именитых партнеров (весной «Жизель» с Ольгой делал Николай Цискаридзе, а «Лебединое озеро» – Сергей Филин), успех предприятия на сегодняшний день вызывает сомнения. Павлова – танцовщица неплохая, хорошо выученная и уверенная, но на статус балерины, предполагающий обязательную гармонию внешней формы и внутреннего содержания, пока претендовать не может – не хватает масштаба. И рекрутированные солисты это только подчеркивают.

Александр Ветров не стал исключением. Повествование о Кармен можно было смело переименовать в «Хозе-сюиту». Внимать дилетантскому зрелищу с вялым кордебалетом, едва выучившими текст солистами и приблизительно выдерживающим темпоритм оркестром можно было лишь в присутствии Ветрова. Да и в непритязательной истории парижских любовников (прогулка, ссора, отчаяние, примирение), разыгранной под пять шансонов Жака Бреля, он, несмотря на джентльменскую подачу партнерши, царил безраздельно. При том, что в сравнении с нынешними элегантными, длинноногими, безупречно пропорциональными премьерами, Ветров – по современным меркам невысокий и крупноголовый – явно проигрывает. Но только на первый взгляд. В эпоху пластической геометрии, когда даже в Большом превыше всего ценится самоценная, очищенная от суетности бытия элегантность формы и линий, танцовщик исповедует свою религию. В его исполнении на сцене оживает характер и прочитывается история персонажа. Когда Ветров танцует, видишь не количество и качество пируэтов, хотя в свои сорок один он не утратил техники, а превосходного мима и мастера осмысленного жеста. То есть актера, творящего роль по всем правилам драматического искусства. Балетного зрителя он заставляет испытывать давно утраченное чувство сопереживания, а еще – ностальгию по временам, когда отечественный балет ценил не столько красавцев, сколько мужчин.